

Рассказ

Елена
ХОЛОДОВА

Я не люблю трёх вещей. Не люблю молочный суп, не люблю красивых мужчин и не люблю капроновые колготки, но всё же ношу их, потому что очень люблю короткие юбки. Но это теперь, когда мне уже шестнадцать лет, когда я научилась с грехом пополам ходить на каблуках и порой даже чувствую себя женщиной с большой буквы. И глядя на меня сейчас, никогда никто не подумает, что ребёнком я была ужасным.

Мне было совершенно плевать, как я выгляжу и что обо мне подумают люди. Целыми днями бегала с мальчишками по развалинам старой церкви, дралась отчаянно, и ни один из молочных зубов не успел выпасть сам – их выбивали. С коленок не сходили болячки, слица

Гришка Котов

– синяки. А боевым другом моим был Гришка Котов. Рыжий, вечно лохматый, с дерзкими голубыми глазами, в которых всегда плескала искорка озорства, он был таким бесшабашным мальчишкой, с которым можно было воровать яблоки из соседского сада и не бояться, что он выдаст тебя, наказываемый отцовским ремнём.

Нам было по шесть лет, и мы оба твёрдо уверены были, что весь мир состоит из маленького городка нашего, двух близлежащих деревень, небольшого посёлка, густых лесов и невысоких скалистых гор, которые мы исходили вдоль и поперёк. И также в нас, в детях с цыпками на загорелых худых руках, сидела твёрдая уверенность, что мы – хозяева этого мира. Мы знали, что никто не замечает, как тёплым летним вечером чудно пахнут белые звёздочки душистого табака в бабушкином саду, что никто не понимает, как это здорово – прыгать в реку с разбега, отбивая о воду щёку и пузо так, чтоб они долго

и приятно потом горели, и уж, конечно, никто не имел понятия о том, как хорошо есть под жарким августовским солнцем ворованные прохладные арбузы на крыше того самого ларька, из которого мы их стащили.

Много дел натворили мы с Гришкой. Я была Котов в юбке и с косой, ни в чём ему не уступала. Однажды мы облили бензином и подожгли крышу от «БелАЗа». И катнули её с горы, да так, что она прошла насквозь старенький сарайчик бабы Томи. Это оказалась одна из тех совсем не безобидных проказ, за которые нас не наказали только потому, что не узнали. Я выкурила на спор пачку «Беломора» и облежала все клумбы, а Гришка помочился в коляску, где лежала кукла самой красивой девочки двора Лены Колосковой. Гришка презирал девчонок всей своей хулиганской душой, называл их «рёвами» и «дурами» и считал совершенно ненужными существами. На меня он глядел своими выпуклыми голубыми

глазами как на парня своего в доску, не давал ни в чём поблажек и часто говорил:

– Хороший ты человек, Алёха! – коверкая имя Алёна и считая оскорблением называть друга «поганым девчачьим именем».

Так мы с Гришкой пробегали босоногими, пока не исполнилось мне одиннадцать лет. Я израсталась быстро, и в этом возрасте у меня коса отросла до пояса и уже наметилась грудь. Я приехала на лето к бабушке, и Гришка встретил меня на вокзале. Когда он взглянул на меня, на лице его сперва возникло удивление, а потом и неподдельный ужас:

– Алеха, что это? – и Гриша сделал движение, каким обычно мальчишки, да впрочем и мужчины, показывают женские прелести.

И мне вдруг почему-то стало мучительно стыдно, я покраснела, а Гришка, не сказав больше не слова, потёр грязным кулаком глаза, из которых казалось вот-вот брызнут слёзы обиды и разочарования, и убежал, сверкая голыми пятками. Продолжать дружбу со мной он больше не хотел. А через несколько дней Григория Котова сбита машина...

Сутки прошли с похорон. Я сидела на лавочке под тенистой березой-шептуньей, плакала. А с памятника, с фотографии смотрел на меня улыбающийся Гришка Котов, с вечно смеющимися глазами и нечесаными рыжими вихрами. Вдруг что-то тёплое и мягкое коснулось моей ноги. Я посмотрела на маленького рыжего котёнка и, взяв его на руки, отнесла домой. Баба с дедом разрешили оставить Рыжика у себя. Этот пушистый непоседливый комочек, после того как умер Гришка, стал для меня товарищем. И никто, кроме меня, не знал, что в те моменты, когда Рыжик пытался поддеть толстой лапой конфетный фантик, в выпуклых голубых глазах его появлялось выражение чистого детского озорства, точно как у Гришки Котова.

Миниатюра

Владимир НАУМОВ

Львёнок и бабушка Суета

Жила-была девочка Львёнок. Конечно, она была самая обычная девочка, но дедушка сказал, что она Львёнок. С первых дней малышка не плакала, не куксилась, как другие дети. Нет! Она рычала. Или, в крайнем случае, пыталась рычать. Дедушка даже учил её, как нужно правильно рычать. Смешной этот дедушка. Львёнок не спорила с бабушкой. Она была хоть и маленькая, но очень смыслёная девочка.

А ещё у Львёнка была бабушка. Бабушку Львёнок любила. Она была такая добрая, тёплая и мягкая. И очень забавная. Возьмётся бабушка играть с Львёнком и тут же вспоминает, что нужно пол подмести или пелёнки постирать. Внученьку оставить она не может и поэтому зовёт на помощь маму или дедушку. Не успеют они справиться с поручениями, как бабушка бежит на кухню проверить, готова ли кашка для Львёнка. И даёт им новые поручения.

Львёнка очень забавляла эта карусель. Она залиристо хохотала, валилась на подушки и размахивала ручками и ножками. Бабушка пугалась, как бы она не свалилась на пол. Звала на подмогу дедушку, а сама бежала готовить Львёнку бульон из курочки. По дороге бабушка снимала с верёвки сухие ползунки и одновременно пыталась вымыть посуду на кухне.

К тому времени, когда она возвращалась, дедушка со Львёнком уже разбрасывали по комнате игрушки и вообще вели себя крайне несерьёзно. Бабушка отправляла дедушку в магазин за молоком, а сама принималась за уборку. Беспокойная бабушка каждому находила дело. Маму Львёнка просила принести расчёску, но тут же вслед кричала, что нужно ребёнку подстричь ногти и поэтому пусть захватит ещё и ножнички. И к тому же оказывалось, что ребёнка пора поить сиропом шиповника. И такая суета без конца.

Вечером, засыпая, Львёнок радовалась, что у неё есть такая смешная бабушка – бабушка Суета! Сколько ещё развлечений она придумает для Львёнка на следующий день. Вот только почему-то дедушка с мамой не разделяли её восторга.

Странные люди эти взрослые.

Поэзия

Ирина Кияшко

Лучшие годы

*Сами себе
внушаем
посылы ложные
И берем сердца
по такому
случаю.
Лучшие
годы жизни
терять положено...
Если потеряны,
значит – уже не лучшие!*

*Мы не умеем жить и учиться ленимся –
Даром песок золотой не идёт к старателю.
И не помогут, увы, никакие лекции,
Если душа пресыщена пасторалями.*

*Все аттестаты, казалось, давно получены,
Умные книжки на антресоли сложены...
Лучшие годы – они потому и лучшие,
Что преподносят людям
задачи сложные.*

*Истово просигналят гудками сипльми,
Искрами золотыми в сознание врежутся,
Возрасту вопреки, вопреки усилиям,
Лучшие годы жизни – они вне времени.*

*Не надевают маски, не притворяются,
Явную мерзость
не выдают за странности...
Лучшие годы жизни не потеряются –
Слитками золотыми в душе останутся,*

*Трепетного руна золотыми нитями
В каждой житейской мелочи обозначается...
И распознать способно одно наитие,
Кто и зачем
так настойчиво с нами нянчится.*

Скудны мои пожитки...

*Скудны мои пожитки –
Грёзы да миражи.
Просто я в этой жизни
Не научилась жить.
Ангел берёт не шибко –
Видно, всю жизнь продрых:
Груза моих ошибок
Хватит на семерых.*

*Груды земного хлама
На небе не в цене.
Где-то усердно мама
Молится обо мне.
Нежно ласкает стужа
Пряди седых волос...
Только со мной не дружит
Грустный её Христос.*

*Пусть беспощадна рента –
Правда моя проста:
Я не ищу смиренья
И не ношу креста.*

«Я читаю звёздные следы...»

*Глупое слово «грешник»
Вряд ли придумал Бог.
Вера меня не греет,
Греет одна любовь.*

*Жизнь отзвучит, как гамма,
И устремится ввысь...
Только послушай, мама,
Ты всё равно молись, –
Может, твоя молитва
Сделает мир добрей!
В небе парит калитка
В радуге фонарей...*

Одиночество

(экспромт)

*Январь потопчется немного –
И сдаст дежурство февралю.
Мне не бывает одиноко,
Я одиночество люблю.*

*Как будто скатерть-самобранка,
Зима раскинется в окне.
Мои небесные собратья
Меня обступят в тишине,*

*И за возвышенной беседой
Нам будет очень хорошо!..
Мне только важно знать при этом,
Что ненадолго ты ушёл.*

Созвездие Гончих Псов

*Далёких звёзд неведомый букварь,
Луны ущербность
В последний раз мне подарил январь –
Какая щедрость!*

*Собачий след сверкает наяву –
На небо глянь-ка!
Я жизнь, похоже, так и проживу
Собачьей нянькой...*

*Меня давно укрыла от беды
Судьба земная,
Но я читаю звёздные следы –
И вспоминаю...*

*Глаза тогда не видели ни зги,
Но были знаки:
Когда от боли плавятся мозги –
Нужны собаки...*

*Когда вся жизнь – помойка и тюрьма,
Язык немеет,
Они помогут не сойти с ума –
Они умеют!*

*Когда мне было вовсе не до звёзд,
Темно и тяжко,
Они со мной тянули этот воз
В одной упряжке.*

*Когда тоска сжимала мне виски
Сильнее стали,
Они меня спасали от тоски –
И улетали...*

*Но до сих пор, как близкая родня,
Мы всюду вместе –
Они там держат место для меня,
В своём созвездье.*

*Мерцают в центре разных полюсов
Мои знамёна,
Но помню я в созвездье Гончих Псов
Всех поимённо.*

*Собачий след над городом повис –
Как гладью вышит.
Наверно, в этом есть какой-то смысл,
Возможно – высший...*

Инородное тело

*Он живёт, потрясён,
Как пакетики чайные, выжат,
Экономит на всём,
Потому что иначе не выжить,
В латаргический сон
Погружаясь в слепой укоризне...
Экономить на всём –
Стало смыслом и таинством жизни.*

*Не соблазны извне
Допекают народ оголтело:
В этой лживой стране
Он давно – инородное тело.
И давно ничоём
Изнурительный путь к вымиранью
Всем, кто жить обречён
Не на грани уже, а за гранью –*

*Опускаться на дно,
Разрушая божественный дар свой,
В государстве родном...
Только чьё оно, то государство?
Чей настойчивый план,
Беспринципен, коварен и вздорен,
Как бездушный тиран,
Превращает страну в лепрозорий?*

*Кто во мраке кулис
Режиссирует шоу уродов,
Дикий сюрреализм
Выдавая за волю народа?..
Кто так смачно смердит
Ароматом идей сумасбродных,
Обозвав геноцид
Отторжением «тел инородных»?..*

*В тёмном царстве химер
Чем подлее – тем слаще и круче!
Тот, кто сам лицемер, –
Тот других лицемерию учит.
Очевидно одно:
В этом квесте под грифом «Мессия»
Инородным давно
Стало тело распятой России...*